

Валерий МИХАЙЛОВ

ГЛАВА 23

@ЭЛИТА

18+

Валерий Михайлов

Глава 23

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Михайлов В.

Глава 23 / В. Михайлов — Электронное издательство "Аэлита",
2013

«Глава 23» – это психоделический антиутопический детектив, рассказывающий о деятельности созданной сразу после Второй мировой войны, Главной Санитарной Инспекции, ставшей самой могущественной организацией в Мире, контролирующей все и вся. Санитарному инспектору Денису Паркину предстоит ликвидировать все последствия одной внештатной ситуации. Это задание полностью перевернет его картину мира и уничтожит почву под ногами. Одновременно с этим передним откроется дверь в совершенно иную, невообразимую реальность.

© Михайлов В., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Глава 23	6
Глава 23	9
Глава 23	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Михайлов

Глава 23

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«В начале шестидесятых Берроуз знал некоего капитана Кларка, который плавал на пароме из Танжера в Испанию.

Однажды Кларк сказал Берроузу, что за 23 года, которые он плавает на пароме, у него не было ни одного происшествия. В этот же день паром затонул, потянув на дно Кларка и всех пассажиров на борту. Вечером того же дня Берроуз, размышляя об этом, включил радио. В первом блоке новостей сообщалось о крушении самолета компании Истерн Эйрлайн, летевшего по маршруту Нью-Йорк – Майами. Летчиком был другой капитан Кларк и рейс значился под номером 23».

После этого Берроуз начал собирать данные о странных совпадениях. К его удивлению во многих из них фигурировало число 23. Когда он рассказал об этом мне, я начал проводить собственное расследование – и тоже выяснил, что во многих катастрофах тоже задействовано число 23.

Роберт А. Уилсон «Космический триггер».

Глава 23

Контроль, религиозный либо политический, должен существовать, поскольку население требует порабощения. Только тогда, когда оно чувствует, что его поработили достаточно, диссиденты могут коллективно поворчать. Разногласие – немогущая форма притязания. Притязание – немогущая форма творения. Уравниловка – это состояние, когда обществом правят капризы самых низших его слоев, сила которых кроется только лишь в их числе. В качестве пицци их мясо хуже мяса хорошей телушки или осеннего ягненка. Если какая-то часть света является кучей говна, будьте уверены, что такой её сделали уравнители. Пусть этот навоз будет разбросан там, где он принесет хоть какую-то пользу.

Антон Шандор Лавей «Записная книжка дьявола».

Возможно, эта история началась ещё хрен знает в какие времена, когда кретину по имени Ахилл зачем-то понадобилось догнать черепаху. Большинство из нас на его месте сделали бы из неё суп, но Ахилл был человеком вежливым, рассудительным и уважающим логику, поэтому, когда черепаха обратилась к нему на прекрасном греческом тех времён и сказала:

– Простите, сэ,р, но вы никогда не сможете меня догнать, – он не послал её, куда следует, а вежливо спросил:

– Позвольте поинтересоваться, на чём основано ваше мнение?

– Это же элементарно, Ватсон, – сказала ему черепаха, закуривая сигару, – для того, чтобы догнать меня, тебе придётся сначала прийти в ту точку, с которой я начала движение.

Черепаха стартовала первой и, разумеется, впереди него.

– Но к тому времени, когда ты, мой друг, окажешься в точке моего старта, я уже несколько перемещусь вперёд, – продолжила она, когда Ахилл согласился с первым её утверждением, – и мы вновь окажемся в такой же ситуации, как при старте: я впереди, ты сзади. И так будет продолжаться до бесконечности, потому что каждый раз, как только ты достигнешь моей стартовой позиции, я буду немного впереди. Но это ещё не всё, ты вообще не сможешь сдвинуться с места, – ошарашила черепаха Ахилла, который, убедившись в правоте её слов, решил запить этот вопрос вином, разбавленным прекрасной, ключевой водой, ещё не познавшей всех ужасов совмещения канализации и водопровода.

– Этого не может быть! – с ужасом воскликнул Ахилл.

– И, тем не менее, это так, – с сочувствием в голосе заметила черепаха. – Для того, чтобы прийти в мою стартовую позицию, пусть расстояние от тебя до неё будет X , тебе сначала надо будет пройти половину этого расстояния $(1/2)X$, а для этого половину той половины или $(1/4)X$, и так далее. И твой путь или X будет равен:

$$X = X/2 + X/4 + X/8 + \dots + X/\text{бесконечность}.$$

Согласись, что при любом значении x большем нуля, тебе придётся преодолеть бесконечное расстояние.

С тех пор незнакомый с теорией рядов Ахилл так и торчит на том месте, где повстречал свою злополучную черепаху.

Санитарный инспектор Денис Паркин хоть и не знал теорию рядов, но был не из тех простофиль, что любят трепаться с черепахами, поэтому он не только мог преодолевать расстояния, отличные от нуля, но и делал это всегда, когда был в настроении переместиться куда-нибудь в пространстве.

Был он крепким, но худым человеком в прекрасной, несмотря на свои 44 года, форме. Рост 176 сантиметров. Вес 65 килограммов. Не женат, бездетен, симпатичен, хоть и не красив.

Он медленно шёл по аллее Победы в сторону заведения со странным названием: «Театр». Ещё в девяностые здесь был прекрасный, можно даже сказать, один из лучших борделей во всей округе, принадлежавший мадам Вонг. Но в 98 она вдруг продала его Обществу Божьего Гласа и исчезла со своими девочками в неизвестном направлении.

Обосновавшись в бывшем борделе, Общество открыло там свой «Театр», где устраивало еженедельные шоу братьев Бенни и Вито Марио, ассистировала которым Девственная Марта. Бенни был от рождения глухим, но умел говорить. Вито, наоборот, был немым, но прекрасно слышал и даже неплохо играл на пианино. Обоим было под пятьдесят. Марте было чуть больше сорока, и главным её уродством была девственность, которую, будучи Невестой Бога, она хранила как зеницу ока. В том, что это уродство, санитарный инспектор не сомневался. Он не безосновательно считал, что если баба осталась девственницей после 25 лет, это означало, что у неё как минимум что-то не в порядке с головой, и с такими лучше не связываться.

Шоу, как и большинство подобных мероприятий (начиная с религиозных собраний разных сект, заканчивая семинарами торговцев пищевыми добавками), строилось по принципам гипнотического сеанса. Но кроме стандартной тактики погружения в транс, которую использовали ещё древние шаманы, «Общество Божьего Гласа» эксплуатировало последние достижения науки и техники. Зал был оборудован генераторами, создающими особого рода вибрации, погружающие людей в глубокий транс, кажущийся им обычным бодрствующим состоянием. Легкое, незаметное дрожание света, шум от «плохо настроенной» аппаратуры, чуть заметное дрожание пола под ногами, всё это было мощным средством отключения разума и контроля над публикой на подсознательном уровне.

Само шоу состояло из патетических речей, поставленных специалистами НЛП; исполняемых хором гимнов (публике предлагалось взяться за руки и раскачиваться в такт музыке); читаемых речитативом молитв...

Когда же публика была готова, начиналось главное: На сцене появлялась Девственная Марта, одетая под стать тем шлюхам, что раньше заправляли заведением. Елейным голосом она объявляла, что 23 года назад Господь явил чудо. Он избрал братьев Марио для прямого общения с людьми, сделав одного из них глухим, а другого немым. Разочаровавшись в лжецах-священниках, Господь сам решил выслушивать чаяния народа, используя для этого уши немого Вито Марио, а чтобы Вито не начал от имени Бога нести отсебятину, своим Гласом Господь решил избрать глас глухого Бенни, неспособного в силу своей глухоты слышать вопросы, на которые через него должен был отвечать Господь. По её словам, подобные обстоятельства практически сводили на нет возможность мошенничества или подмены воли Господа волей своей. Себя же Марта представляла как смиренную служанку избранных Богом Братьев.

Стоило ей замолчать, как в зале начиналось настоящее нашествие варваров на Рим. Все лезли вперёд, чтобы успеть задать свой до idiotизма банальный вопрос Богу. Насладившись оргией массового idiotизма, Марта громко приказывала:

– Стойте!

К тому моменту она уже полностью контролировала мозги большинства зрителей или участников, и её приказ заставлял замереть всех разом. Со сцены это выглядело потрясающе.

– Вернитесь на свои места, – говорила она после небольшой паузы. – Господь не может отвечать отдельно каждому из вас, но он может ответить сразу всем вам. Для этого нам надо создать один общий вопрос.

Дальше следовала инструкция. Участникам давалось около пяти минут, чтобы придумать вопрос. Затем звучал гонг, после чего одновременно все страждущие должны были громко выкрикивать свои вопросы.

Ещё через пару минут глухой брат Марио начинал нести чушь от лица Господа, которая и воспринималась всеми, как величайшее из откровений.

После этого звучала благодарственная молитва Богу, и собрание объявлялось закрытым. Всё это удовольствие стоило более сотни пиастров – суммы, на которую вполне можно безбедно прожить около месяца.

Санитарный инспектор был из тех, кому бордели нравились значительно больше религиозных собраний, и если бы не служебная необходимость...

Отдав на входе причитающуюся мзду, он занял место с краю на последнем ряду и погрузил свое сознание в межпиксельное пространство, где каждое мгновение было вечностью, а каждая вечность – мгновением... Санитарный инспектор регулярно практиковал изменённые состояния сознания. Во-первых, они спасали его от вездесущего промывания мозгов, под гнетом которого находятся практически все представители человечества; а во-вторых, это было приятно, настолько приятно, что он давно уже отказался от употребления алкоголя и лёгких наркотиков, чем иногда грешил раньше.

Перед самым окончанием собрания санитарный инспектор незаметно выскользнул из зала и юркнул в одно из множества служебных помещений, открыв замок универсальным ключом.

Было около двух часов ночи, когда в зале вновь заиграл рояль. Похожий на уменьшенную копию Карла Маркса Малыш Вилли извращался над государственным гимном. За это и за молчание он получал до пятисот пиастров за выступление.

Пора, – решил санитарный инспектор, выходя из служебного помещения. В коридоре он проверил свой маленький, но весьма эффективный в подобных мероприятиях пистолет, стреляющий разрывными пулями. Больше можно было не прятаться. «Святая троица» не посвящала в свои ночные проделки посторонних, иначе весь их бизнес пошел бы коту под хвост.

Поехав на девственности, Марта ни один член даже близко не подпускала к своей, ещё хранящей заводскую упаковку манде, что совершенно не мешало ей творчески подходить к процессу перепихона, используя физические особенности богоизбранных братьев-уродов. Со временем у них выработался своеобразный ритуал, начинающийся с того, что малыш Вилли садился за пианино. Он начинал играть на все лады государственный гимн. Под эту музыку Марта медленно раздевалась, возбуждая немого Вито, который имел её сзади под всё убыстряющуюся музыку и одобрительные возгласы Бенни.

Бенни вступал в игру вторым. Неспособный работать членом, он виртуозно владел языком, облизывая Марту с ног до головы. Особенно ему нравилось, когда она ссала ему в рот. Тогда он присасывался к её манде своим огромным ртом и не упускал ни капли её девственной мочи.

Когда санитарный инспектор вошёл в зал, Бенни облизывал Марте ботинки на высоких тонких каблуках. Не обращая внимания на любовников, инспектор подошёл к малышу Вилли и приставил пистолет к его голове.

– Здравствуй, мой четвероногий друг, – сказал ему инспектор.

– Я не четвероногий, я двуногий, – ответил тот, продолжая играть.

– Печально слышать такое, ибо, если у четвероногого друга только две ноги, значит он калека или урод, – грустно сказал инспектор, нажимая на курок.

Выстрел прогремел, как гром среди ясного неба. Девственная Марта завизжала и захала бедняге Бенни каблуком прямо в лопнувший от этого удара глаз.

Санитарный инспектор убрал оружие и спокойно вышел из здания на свежий воздух. Убедившись, что вокруг нет ни души, он сорвал с себя лицо, и бросил его на землю. Лицо начало превращаться в бесформенную студенистую массу.

Глава 23

*У обратной стороны всегда есть обратная сторона.
Дзенское изречение.*

*Правда – это частный случай лжи.
Август к.*

Солнце медленно садилось за «горизонт». Оно было огромным, красным и каким-то... печальным. Печальное солнце... Абсурд. Откуда вообще взялось это ощущение печали? Санитарный инспектор стоял у окна, смотрел на солнце, смотрел, как оно садится за бесконечную вереницу крыш огромных под сотню этажей, домов, и его переполняло странное, непередаваемое чувство. Он был словно язычник, увидевший своё божество.

Подождав, пока не «умер» последний отблеск вечерней зари, Благородный Дон включил свет. Он закрыл папку и бросил её на стол. Пора было возвращаться к делам. Интересно, сколько у такого человека как Благородный Дон было в подчинении любимчиков, которым он вот так, как и санитарному инспектору позволял любоваться своими закатами, делая вид, что изучает какое-то важное дело? Санитарный инспектор никогда и ни с кем не обсуждал этот вопрос. В Инспекции сентиментальность считалась пороком, и уличить в ней себя, не говоря уже о Благородном Доне...

Понимая это, он мог часто любоваться закатом. Такова была его привилегия. В Инспекции многие имели привилегии. Одни могли опаздывать на работу чуть ли не каждый день, и начальство этого не замечало, другие не ходили на собрания, третьи уходили раньше с работы, четвертые никогда не работали по выходным... Санитарный инспектор «выбрал» закат.

Как весьма убедительно описал в своих книгах Чарльз Форт, на Земле регулярно происходят события, которые официальная «Наука» старается не замечать по той простой причине, что они не вписываются в современную научную парадигму. Так, например, несколько веков назад, а именно «в 1772 году французская Академия назначила специальный комитет, членом которого был Лавуазье, для расследования сообщения о том, что в городке Люс во Франции упал с неба камень. Из всех попыток достигнуть позитивности в её аспекте изоляции я не знаю ничего, что отставалось бы с большим упорством, чем представление о несвязности этой земли с внешним пространством. Лавуазье произвёл химический анализ камня из Люса. В то время объяснение эксклюзионистов состояло в том, что камни не падают с неба; что иногда, видимо, какие-то светящиеся предметы, по-видимому, падают и что горячие камни могли быть подобраны в том месте, где как будто упал светящийся предмет – всего лишь молния ударила в камень, нагрела или даже расплавила его.

На камне из Люса были видны признаки расплавления.

Проделанный Лавуазье анализ «абсолютно доказал», что этот камень не упал: что он подвергся удару молнии.

Вот так, авторитетно, падающие камни были прокляты. Шаблонным способом исключения остались объяснение молнией, которая, как кто-то видел, что-то ударила – то, что находилось на земле ещё до того».¹

К сожалению, нынешние «научные комитеты», сталкиваясь с чем-то, что выходит за рамки их понимания, ведут себя точно так же, как и в 1772 году.

А что только ни сыпется на нас с небес! Это и огромные куски льда, и снежинки, величиной с салфетку, и каменный уголь, и шлак, и лягушки, и рыба живая, и рыба засушенная,

---

¹ Цитата из книги Чарльза Форта «1001 забытое чудо. Книга проклятых».

и черви, и личинки насекомых, и улитки, и «странное варьирующее по цвету от красноватого до желтоватого, вещество», и совершенно чёрный дождь, и красный дождь, и вязкое вещество красного цвета, похожее на свернувшуюся кровь и многое-многое другое.

А летом 1957 года в районе поселка Мухтуя с неба упали человеческие младенцы. Их было 12. Живые, совершенно голые, они лежали на земле, и громко кричали, размахивая руками и ногами. Буквально через несколько часов к местной школе, где временно разместили детей, подъехал вездеход, на котором дети были перевезены на территорию ближайшей базы Главной Санитарной Инспекции или ГСИ – самой могущественной организации в мире, появившейся сразу после Второй мировой войны и ставшей главным монополистом сначала в области паранормальных, а затем и прочих секретных исследований в области управления человеком.

О том, что проделали над этими детками в лаборатории, Благородный Дон распространяться не стал, а санитарный инспектор вообще предпочел не думать: меньше знаешь – дольше живёшь. Одно было известно наверняка: никому, даже самому отъявленному Кафке не пришло бы в голову все то, что делали со своими подопечными мужчины и женщины в белых халатах и с добрыми улыбками на лицах, настоящие продолжатели традиций Аненербе.

В 1969 году в лаборатории произошла «внештатная ситуация», в результате которой лабораторию пришлось даже закрыть на несколько лет. Тогда бюрократы поспешили написать в отчёте, что ситуация взята под контроль, а все объекты типа «С» дисфункционализированы. На самом же деле произошла утечка: минимум один человек, Курт Моррис – старший лаборант, а до этого перспективный сотрудник одного из отделений Аненербе.

Все эти годы Курту Моррису удавалось каким-то образом скрываться от всевидящего ока Главной Санитарной Инспекции. Засветился он самым дурацким образом: попал в больницу с сердечным приступом, где у него взяли на анализы кровь, дерьмо и мочу. Такая оплошность была аналогична явке с повинной.

– Твоя задача ликвидировать все последствия этой утечки любым способом и любой ценой, – медленно произнес Благородный Дон, введя санитарного инспектора в курс дела. – ВСЕ последствия, – повторил он.

– Каков мой статус в этой операции? – спросил санитарный инспектор, заранее догадываясь, каким будет ответ. Дело было из крайне серьёзных, иначе Благородный Дон поручил бы эту работу штатным уборщикам.

– Боюсь, мой мальчик, на этот раз тебе придётся действовать вне статуса, – ответил Благородный Дон.

Это означало **ВСЕ СЕРЬЁЗНЕЙ, ЧЕМ ТЫ МОЖЕШЬ ПРЕДПОЛОЖИТЬ**, и ещё, **ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ**.

– Разрешите идти? – спросил он.

– Иди, – устало ответил Благородный Дон.

Курт Моррис, а ныне Стив Кайман обосновался в Джонсвилле – идеальной дыре для бывших преступников, тихом, спокойном городишке на Среднем Западе США. Санитарный инспектор был там уже к вечеру следующего дня.

На входной двери Морриса, он жил в типовом доме, расположенном в тихом спальном районе города, санитарный инспектор обнаружил записку на латыни – официальном языке ГСИ: «Я в кафе «Фламинго» на соседней улице». Моррис был уже не в том возрасте, да и не в том настроении, чтобы играть в погони и слежки. Он действительно был в кафе «Фламинго», тихом спокойном месте для семейного отдыха. Моррис работал над сладким пирогом и кофе.

Был он маленьким, высохшим стариком. Его лицо имело болезненно жёлтый цвет. Его подбородок немного подрагивал, но в глазах всё ещё читалась живость ума.

– Надеюсь, вы не сильно спешите? – спросил Моррис, когда санитарный инспектор подсел за его столик, – не хотелось бы оставлять такой замечательный пирог.

– Рекомендуете?

– Здесь его готовят великолепно.

– Тогда я тоже себе закажу.

– Не пожалеете.

Насчет пирога Моррис не обманул, он действительно был выше любой похвалы, а вот кофе не выдерживал никакой критики.

– Вы на машине? – спросил Моррис, покончив с пирогом и закуривая сигару, – здесь неподалеку есть прекрасное место, где мы могли бы поговорить. Насколько я понимаю, сначала вы хотели бы задать мне пару вопросов?

– Вы правильно всё понимаете, – ответил санитарный инспектор. – И я на машине. Взял на прокат.

Прекрасным местом была беседка на берегу пруда. Солнце уже зашло за горизонт. Лягушки соревновались друг перед другом в виртуозности исполнения своих арий. Распустились ночные цветы, и воздух был пропитан их ароматом. Место действительно было сказочным и на удивление безлюдным.

– Чем могу быть полезен? – спросил Моррис, когда они сели на скамейки напротив друг друга.

– Вы прекрасно знаете, что меня интересует внештатная ситуация в Сибири в 1969 году.

– Внештатная ситуация... – он рассмеялся. – Не было никакой внештатной ситуации. Эксперимент вышел из-под контроля. Это да. Мы получили совершенно не то, что ожидали, и имели глупость сообщить об этом наверх. Нас просто прикрыли. Многих прикрыли совсем, надеюсь, вы понимаете, о чём идет речь?

– Поэтому вы и сбежали из лаборатории?

– Сбежал... – он снова рассмеялся. – Я оказался не нужен, и решил исчезнуть сам, до того, как ГСИ направит ко мне пару своих громил. Подобная предусмотрительность позволила мне передвинуть дату собственной смерти с 1969 на 2001 год, а это, согласитесь, довольно длительный срок.

– Как вам удалось оставаться в тени столько лет?

– Я вас умоляю, неужели вы, зная, как работает система, не сможете, при желании, от неё уйти?

– Только до поры до времени. Вас ведь тоже нашли.

– У меня рак кишечника. Операцию делать бесполезно. Скоро опухоль полностью закроет кишку, и тогда рот начнёт выполнять функции жопы. Я предпочёл уйти раньше.

– Скажите, а кто-нибудь ещё сумел исчезнуть, как вы?

– Не знаю. В тот момент я как-то мало интересовался судьбой коллектива, а позже...

– Но вы не исключаете такой возможности?

– Обратитесь в Виши. Они сейчас работают над весьма интересным препаратом. Называется он Кероген.

– В первый раз слышу.

– Разумеется. Об этих вещах не принято говорить за коктейлем.

– Откуда, в таком случае, вам стало о нём известно?

– Этот секрет я, пожалуй, унесу в могилу.

– Предлагаете перейти к десерту?

– Мне всё равно больше вам нечего сказать.

– Как пожелаете.

Санитарный инспектор достал из кармана конфету с ярким, цветным фантиком.

– Вы позволите мне встретиться с ней тет-а-тет? – спросил Моррис.

– Я должен убедиться, что вы съели гостинец.

– Вы же знаете, что я это сделаю.

– Хорошо, – вопреки всяким правилам согласился санитарный инспектор, – я подожду в машине.

– Благодарю вас.

Когда санитарный инспектор вернулся в беседку, Моррис был уже мёртв. На его лице застыла довольная улыбка.

Лаборатория в Виши находилась на территории, а, вернее, под территорией частной бальнеологической лечебницы. Она (лаборатория) уходила вниз, под землю, где на глубине нескольких километров находились её 25 этажей, каждый из которых имел свой уровень секретности, свой допуск, и был совершенно независимым от других этажей «королевством», занимающимся подчас фантастической деятельностью. Сверху же над этой махиной отдыхали «на водах» ничего не подозревающие толстосумы.

Санитарного инспектора уже знали в Виши. Судьба дважды заносила его в этот сюрреалистический подземный мир, чья реальность значительно превосходила любое воображение.

В первый раз ему удалось побывать в «Комитете Здравого Смысла», занимающимся изучением и формированием информационных потоков, начиная СМИ, заканчивая слухами и разговорами за обедом в узком кругу семьи. Фактически именно «Комитет Здравого Смысла» был отцом той информационной среды, которую большая часть человечества считает объективной реальностью. Сплетни, убеждения, «научные объяснения», сенсации, «утечки информации»... Всё это было детищем Комитета.

Во второй...

Оба раза чтобы туда попасть, надо было подавать запрос чуть ли не на имя Генерального Координатора ГСИ.

– Ты уверен? – спросил Благородный Дон, когда санитарный инспектор закончил отчёт. Вопрос был дурацким, но утечка информации из Виши!.. Проще было поверить в то, что одноногий нищий на улице за углом – Иисус Христос.

– Я хотел бы сначала побывать там сам, – сказал санитарный инспектор. – Не зря же Моррис завел речь об этом керогене.

– Хорошо, я устрою тебе пропуск и заявку на кероген. А там ты уже действуй по собственному усмотрению.

Виши встретил санитарного инспектора настоящей жарой. Его рубашка на спине стала мокрой, едва он вышел из здания вокзала.

– Пятерочка, – сказал таксист, когда инспектор назвал адрес курорта.

– Более трёх пиастров не дам, – ответил инспектор.

– Тогда вам придётся пересест в другую машину.

– Только после того, как узнаю вашу фамилию, – с милой улыбкой произнёс санитарный инспектор.

Таксист слишком резко рванул с места. Ему совсем не нужна была лишняя жалоба.

Заплатив таксисту ровно три пиастра, санитарный инспектор вышел из машины, нарочито сильно хлопнув дверью. Будь водитель знаком с вежливостью, он бы получил свои пять пиастров, но хамов санитарный инспектор не переносил на дух.

– Что вы хотели? – спросил охранник, когда санитарный инспектор подошёл к старинной работы кованым воротам.

– Я ищу господина Жура.

– Он ждёт вас в девятом корпусе. Знаете дорогу?

– Да. Я уже раньше здесь бывал.

Оказавшись на территории курорта, санитарный инспектор в очередной раз пожалел, что он не богатый охотник до вод.

Девятый корпус был единственным невзрачным зданием, застенчиво стоящим в самом углу курорта. Толкнув входную дверь, санитарный инспектор столкнулся нос к носу с «санитаром», который мгновенно уничтожил бы инспектора, попытайся он проскочить мимо.

– Кого-то ищите? – участливо спросил санитар.

– Мне нужен господин Жур. Пропуск в кармане рубашки.

Ни в коем случае нельзя было даже пытаться достать пропуск самому. Такая ошибка стоила бы жизни.

– Проходите, – сказал санитар, внимательно осмотрев пропуск.

Лифт был всё тем же: кафельный пол, кафельные стены, кафельный потолок. Абсолютно белое кубическое помещение со стороной в 2 метра. Ровно в центре потолка круглая лампа дневного света. Абсолютный минимализм. Управлялся лифт снаружи, причём двери открывал диспетчер, находящийся на уровне прибытия – это исключало возможность несанкционированного проникновения на территорию базы.

Лампа несколько раз моргнула, и лифт отправился вниз, быстро набирая скорость. В животе санитарного инспектора появилось ощущение, которое часто бывает на качелях.

Через несколько секунд лифт остановился. С лёгким щелчком открылись двери, и санитарный инспектор оказался в коридоре «Комитета КЕРОГЕН». Его уже ждал охранник – пожилой мужчина в военной форме без знаков отличия.

– Прошу вас за мной, – сказал он.

Председатель «Комитета КЕРОГЕН» Лейб Фриман, высокий, тощий еврей лет 45 ждал в комнате для свиданий, расположенной сразу же возле лифта – ещё одна мера безопасности, не позволяющая визитёру стать свидетелем того, что его не касалось.

– Чем могу быть полезен? – спросил Лейб Фриман, пригласив санитарного инспектора сесть в удобное кожаное кресло.

– Я хотел бы поговорить с вами о керогене.

– Откуда вам стало известно о нашей разработке? – спросил первым делом Фриман, для которого любая утечка информации грозила большими неприятностями.

– Боюсь, что я не вправе разглашать эту информацию. Мне очень жаль.

– Конечно, – ответил Фриман.

– Насколько мне стало известно, кероген позволяет увидеть след, оставленный нами в прошлом. Мне это необходимо для расследования одного дела. Заявка должна быть уже у вас.

– Все правильно. Люди, как, впрочем, и другие живые существа оставляют после себя некий след, который русские давно уже научились фотографировать специальным фотоаппаратом. При помощи керогена вы действительно сможете видеть эти следы, хотя он предназначен не для этого, но должен вас предупредить: приём керогена заставит вашу нервную систему собирать совершенно иную реальность чем та, к которой вы привыкли. Многих подобный шок может попросту свести с ума. У человека вдруг исчезает почва из-под ног. Привычный мир сменяется чем-то совершенно невообразимым. Думаете, почему мы все так стремимся к объяснениям?

– Боюсь, господин Фриман, из меня не выйдет хорошего теоретика.

– Объяснения дают нам иллюзию устойчивости, и неважно, от лица «Науки» они или церкви. Главное, чтобы всё было устойчиво, объяснимо и неизбежно. Иное восприятие реальности способно превратить в параноиков подавляющее большинство обывателей. Так что хорошенько подумайте, прежде чем принимать кероген.

– И всё же, где я могу его получить?

– Держите, – Фриман достал из кармана и поставил на стол пузырёк с несколькими серебристыми капсулами, – этого вам должно хватить за глаза.

– Благодарю вас, – произнёс санитарный инспектор, вставая с кресла.

У входа в лечебницу он столкнулся с Бобом и Питом – парнями из отдела безопасности, настоящими энтузиастами своего дела. Сегодня явно был не день Лейба Фримана.

– Привет, Ден, как дела? – приветливо спросил Боб.

– Ничего, а у тебя?

– Да вот, работы подвалило. Надеюсь, ты там уже закончил?

– Можешь приступать.

– Это хорошо. Завтра у Мэри (жена Боба) день рожденья. Хотелось бы успеть.

– Что ж, удачи.

– Спасибо, Ден.

Внешне Боб выглядел, как добряк – жизнелюб. Он был немного полноват, но это его не портило. Боб был обаятельным, всегда тихим, всегда вежливым, всегда спокойным. Он мог, например, присоединяя электроды к гениталиям перед предстоящей пыткой с совершенно искренним участием в голосе спросить:

– Вам не давит?

А потом включить ток... Эта его манера поведения, как у доброго доктора Айболита во время наиболее жестоких пыток сильнее боли добивала клиентов.

Однажды он поймал свою дочку под кайфом. Траву он и сам периодически покуривал, не считая это чем-то из ряда вон выходящим, и будь дочка под анашой, он попросту бы этого не заметил, но она была под героином, а эту дрянь Боб ненавидел всей душой. Ему не составило труда отыскать типа, втянувшего его дочь в это дело. Не долго думая, Боб их обоих запер в соседних клетках в одном из подвалов, которыми пользовалась ГСИ для задушевного разговора с клиентами. В течение двух недель дочка Боба, что называется в круглосуточном режиме, наблюдала за тем, во что наркотик превращает человека. Через две недели Боб заявился в подвал с изрядной порцией чистейшего героина, который вывалил прямо в говно доведённого до сумасшествия торчка.

– Можешь ширять эту дрянь сколько хочешь, – сказал он дочке, когда её незадачливый друг жадно жрал собственное говно, – но знай, что когда-нибудь кто-то сделает что-то похожее и с тобой.

Из солнечной Франции санитарный инспектор отправился в Сибирь, на базу, где когда-то содержались упавшие с неба дети. На аэродроме в Мирном он пересел из самолета в военный вертолёт, на котором отправился дальше, в затерявшуюся среди болот воинскую часть.

Выйдя из вертолёта, санитарный инспектор сразу же убедился в том, что Сибирь – это родина летающих кровососущих слонов. Комаров была тьма, и самый маленький из них был размером с курицу.

– Теперь я понимаю, – сказал он дежурному офицеру, – почему у вас особо отличившихся привязывают на ночь голышом к дереву.

Места укусов покрылись огромными волдырями и невероятно чесались.

– Это ещё так, комарята, – с непонятной гордостью в голосе ответил тот.

Воинская часть состояла из казармы, общежития для офицеров и членов их семей, нескольких складов и одного ангара с техникой, возле которого располагалась посадочная площадка для вертолёта. Все это уныние называлось Ленск – 8.

Лифт находился в подвале одного из складов, доверху забитого начавшим преть тряпьем. Назывался он «помещение для курения». Там был стол, коробка затёртого до неузнаваемости домино и две засаленные, продавленные тахты. На удивление двигался лифт плавно, без резких перепадов.

Внизу санитарного инспектора встретил симпатичный парень лет тридцати.

– Николай Свиридов, – представился он, – можно просто Коля. Полковник Герасимов вас ждёт.

На этот раз санитарного инспектора приняли непосредственно в кабинете начальника лаборатории, который, несмотря на воинское звание и форму, был похож на стареющего хиппи. Было ему чуть больше 40. Длинные волосы, большие солнцезащитные очки, борода. Вылитый Леннон в Горках, – подумал санитарный инспектор.

– Чем могу служить? – спросил полковник, угостив санитарного инспектора крепким душистым чаем из местных трав.

– Вы могли бы мне рассказать о внештатной ситуации 1969 года?

– Как вы понимаете, тогда здесь командовал не я, – ответил полковник, – но я могу предоставить вам все отчёты.

– Спасибо. Отчёты я уже видел.

– Больше ничем не могу помочь.

– Скажите, а если бы кто-либо из «Падающих звезд» (так официально называли упавших с неба детей) сумел бы выжить, да ещё оказаться на воле... Что бы вы могли сказать о таких людях.

– Я ни за какие деньги не согласился бы столкнуться с кем-либо из них. Представьте себе: непонятно кто, и откуда проходит полный курс на базе... Здесь пытались вырастить монстров, по сравнению с которыми киношные пугала – жалкие неудачники.

– Понятно, а что-либо сохранилось от старой лаборатории?

– Только сектор 9. Мы не стали приводить его в порядок, так что там жуткий бардак.

– Я хотел бы погостить там пару дней.

– Я не против, только вы вряд ли захотите там остаться. Как я уже говорил, жуткий бардак.

– Ничего, я привык к спартанским условиям.

Сектор 9 напоминал полигон после испытания серьёзного оружия. Всюду была копоть. Постоянно приходилось перешагивать через искорёженный металл. Местами с потолка сочилась ржавая, пахнущая хлоркой вода.

С горем пополам санитарному инспектору удалось найти более или менее подходящую комнату, куда бойцы принесли раскладушку, тумбочку и подобие стула.

Забравшись на раскладушку, санитарный инспектор достал из кармана похожую на маленькую жемчужину капсулу керогена, и задумался. Приём этой симпатичной таблетки мог иметь любые, даже самые невероятные последствия, подавляющее большинство которых вряд ли можно было бы отнести к приятным. Не говоря уже о том, что перспектива сойти с ума на этой чудовищной базе санитарного инспектора никак не радовала. Собравшись с духом, он проглотил капсулу керогена.

Действие таблетки оказалось наиболее неприятным, а именно никаким. Приготовившийся к погружению в барсучью нору инспектор погрузился в глубокий, здоровый сон без сновидений. Вернее, почти без сновидений. Перед самым пробуждением ему приснилась одна единственная фраза: «Кафе на Литтл-стрит 15». Ни города, ни страны, ничего.

Радовало лишь то, что в окрестностях Ленска – 8 не было ни Литтл-стрит, ни подходящего кафе. Можно было возвращаться домой, в центральный офис, чтобы выудить из базы данных все кафе на Литтл-стрит 15.

Как оказалось, кафе с таким адресом было только одно, и находилось оно в Лондоне, в одном из тех районов, где не любит показываться полиция.

Тем лучше, – решил для себя санитарный инспектор. Он тоже не особо жаловал полицию, несмотря на свой иммунитет.

Лондон, как и положено, встретил санитарного инспектора смогом, огнями и дождём. Дождь наводил инспектора на грустные воспоминания о том времени, когда с неба лилась чистая вода, а не этот чёрт знает какой кислотно-щелочной раствор, от которого крысы, живущие в ливневых канализациях, стали совершенно невероятной расцветки.

Когда-нибудь мы тоже мутируем, как крысы, – мысленно сказал себе санитарный инспектор, открывая непослушный зонт, несмотря на то, что ему надо было преодолеть всего лишь каких-нибудь пару метров от такси до входа в кафе.

Внутри было практически пусто. Несколько человек сидели на табуретах за стойкой. Столики, за исключением двух или трёх, были свободны. В углу какой-то тип делал вид, что играет на синтезаторе – даже последнему дураку было ясно, что он использует «минуса».

Осмотревшись, санитарный инспектор выбрал столик, сидя за которым можно было обозревать весь бар.

– Пива и чего-нибудь, пожалуйста, – сказал он появившейся возле столика официантке, милой девушке чуть старше 20 лет.

Минут через пять она принесла заказ. Чем-нибудь оказались жареные сосиски. Несмотря на географическое расположение кафе, еда и напиток выглядели вполне прилично. Немного подумав, санитарный инспектор решил всё-таки принять таблетку стабилизатора, позволяющего употреблять чуть ли не дохлятину, приготовленную на отработанном машинном масле. Сейчас ему ни под каким видом нельзя было терять форму. Тем более что он не знал всех возможностей противника.

– Вы не будете возражать? – спросил санитарного инспектора странный тип, садясь за его столик.

Паркин совсем не заметил, когда этот субъект появился в баре. Санитарному инспектору он показался пришельцем из другого мира или из другой эпохи. Был он высокого роста, атлетически сложен, лет 30–35. На его красивом, но полностью покрытом татуировкой (рунические символы) лице играла немного детская улыбка. На нём был дорогой идеально сидящий костюм, подстать ему строгие туфли ручной работы. Галстука и запонок в манжетах стильной белоснежной рубашки не было. Удивительней всего было то, что никто из посетителей не обратил на него внимания.

Официантка поставила перед ним бокал с древним, судя по запаху и цвету коньяком, таким, который подадут не в каждом дорогом ресторане.

– Я – твой Белый Кролик, – сказал татуированный парень санитарному инспектору, пригубив коньяк, – пойдём.

Выпив залпом напиток, он встал из-за стола и направился к выходу. Оставив несколько пиастров на столе, санитарный инспектор последовал за ним.

Выйдя из кафе, незнакомец перешёл на другую сторону улицы, прошёл через обшарпанный проходной двор, свернул ещё несколько раз, затем вошёл в подъезд дома, явно предназначенного под снос. За всю дорогу он ни разу не обернулся, однако санитарный инспектор не сомневался, что незнакомец не терял его из виду. Паркин, не раздумывая, вошёл в подъезд вслед за незнакомцем. На первом этаже была приоткрыта первая дверь слева. Решив, что это приглашение, санитарный инспектор вошёл внутрь и сразу же столкнулся нос к носу с незнакомцем. Только здесь санитарный инспектор увидел, что у того ярко-жёлтые глаза с вертикальными, как у кошек зрачками.

– Я – твой Белый Кролик, – вновь произнёс незнакомец, – я привёл тебя к норе. Ищи Фантомов. Через них ты найдёшь вход. Но будь осторожен, – его глаза вспыхнули красным огнём, и санитарный инспектор увидел силуэты трёх человек, – они знают, что ты идёшь...

В следующее мгновение санитарный инспектор открыл глаза. Он всё ещё находился в Сибири, в Ленске – 8, на территории одной из множества принадлежащих ГСИ биостанций.

– Значит, будем искать фантомов, – сказал он себе, вставая с раскладушки.

В полицейском управлении как всегда были бардак и толкотня. Все носились, размахивали руками, курили, толпились у автоматов кофе или сидели, тупо уставившись в компьютеры. Каждый создавал видимость работы, как мог. Каждый пытался доказать всем своим видом, что он нужен именно здесь, а не в каком-нибудь чёрном квартале с дубинкой или ещё хуже автоматом в руках, что именно он, именно сейчас занимается наиболее важным делом, что он на пороге, и что если его отвлечь, ну скажем...

Владимир Лемм сидел с умным видом за компьютером. На экране плакатно-патриотического типа молодец отбивался от кучи страшных монстров и отбивался, надо сказать, удачно.

– Привет защитникам улиц! – санитарный инспектор хлопнул по плечу Лемма.

Рука Лемма дёрнулась, и молодец тут же получил смертельный удар, от которого и скончался, а демоны принялись деловито пинать его ногами, явно довольные собой.

– Твою мать! Ты меня убил на 14 уровне! – Лемм готов был растерзать виновника своего поражения.

– Я всегда говорил, что это дерьмо до добра не доводит. Здравствуй дружище! – санитарный инспектор ехидно осклабился.

– Привет.

– Как поживает наша доблестная полиция?

– Как видишь.

– Мне нужна информация о Фантомах.

– Было у нас такое дело.

Лемм с сожалением посмотрел на экран, где ещё тлели кости так глупо погибшего в неравном бою героя.

– Четырнадцатый уровень, чёрт возьми! Ещё чуть-чуть и я бы увидел королеву! – выматерившись, он переключился на полицейские файлы.

– Вот, тебе распечатать? – спросил он минуты через три.

– Можешь скинуть на дискету.

– Только если у тебя с собой. У нас с этим сейчас строго.

– С собой, с собой, – успокоил его санитарный инспектор.

– Пойдем тяпнем пива, – предложил Лемм, закончив копирование файлов.

Они посидели за кружкой пива до закрытия, и санитарный инспектор вернулся в гостиницу изрядно веселым и довольным собой. Спать не хотелось, и после чашки крепкого, естественно натурального, кофе и душа он сел за компьютер.

Людмила Родис. была найдена мёртвой в прихожей собственного дома. Она даже после смерти оставалась красивой. Аристократическая семья, карьера. Человек года, лауреат нескольких престижных премий, и это всё в её годы. Замужем. Муж... Ага. Роберт Родис, стипендиат, не богатый, звезд с неба не хватает. Приятный. Санитарный инспектор положил рядом их фотографии. Красивая пара. Он что?.. Ага! Пропал без вести. Возвращались с презентации, выпили. Ну это ещё не повод. Людмила была убита на пороге дома, после чего её внесли внутрь. Никаких следов взлома. В доме ничего не пропало. Деньги, драгоценности на месте. А вот муж исчез. Полиция во всё его и обвинила, чего, кстати, и следовало от неё ожидать. Соседи от Родисов были просто в восторге. Жили душа в душу. Никогда не ссорились. Им все здесь завидовали. Зачем ему убивать?

Следующие две жертвы исчезли через пару месяцев с промежутком в неделю. На этот раз мелкие служащие. Жили в тихом районе. Никогда друг друга не видели. Одинокие. Баб в дом не водили, не пили. Фактически они исчезли ещё при жизни. Никто, наверное, этого бы и не заметил, если бы не случайность. Фото... Ну и рожи! Эти и родную маму зарежут. Откуда у тихих служащих такие рожи? Мда... Соседи о них ничего не знают. Оба переехали

недавно, причём из ниоткуда. Никаких документов. Никакой регистрации. Похоже, что раньше они нигде не существовали. Вынырнули из небытия, чтобы снова туда исчезнуть.

Санитарный инспектор набрал номер Благородного Дона.

– Линия проверена, можете говорить, – услышал он приятный голос секретарши.

– Это Паркин. Мне нужно срочно поговорить с Благородным Доном.

– Одну минуточку.

Санитарный инспектор поморщился, услышав одну из тех гнусных мелодий, под которые обычно заставляют ждать телефонного соединения.

– Что у тебя? – спросил Благородный Дон, даже не поздоровавшись. Принципиальный отказ от неинформативных фраз был его коньком.

– Необходимо надёжное проникновение в дом Родисов, – инспектор назвал адрес. Благородный Дон записывал все свои телефонные разговоры, поэтому повторять или уточнять адрес не было необходимости.

– Какие-то проблемы? – спросил Благородный Дон.

– Это нужно сделать тихо и без шума, чтобы не спугнуть, зверя. Возможно, у него есть с кем-то контакт. Возможно даже, он – один из нас.

– Почему ты так решил?

– До боли знакомый почерк.

– Хорошо. Я что-нибудь придумаю.

Буквально на следующий день Расселы, так звали новых владельцев дома Родисов, отправились на похороны какого-то родственника, которого совершенно кстати (он оставил им хорошую сумму в наследство) переехал огромный грузовик.

Убедившись, что за домом никто не следит, санитарный инспектор проник внутрь, открыв дверь отмычкой. Конечно же, новые хозяева всё переделали по-своему, и искать следы Родисов в жилой части дома было бесполезно. Оставались подвал или чердак. С подвалом санитарному инспектору не повезло. Там всё сияло после недавнего ремонта, зато на чердаке он обнаружил старую кровать, до которой у новых хозяев ещё не дошли руки.

Поблагодарив всевышнего за этот подарок, санитарный инспектор лёг на кровать и принял капсулу керогена. На этот раз сон пришёл почти мгновенно, и вместе с ним пришла дикая, нестерпимая боль. Казалось, ещё немного, и голова разлетится на мелкие кусочки, забрызгивая всё мозгами и кровью. В глазах плавали разноцветные круги. В нос бил резкий тошнотворный запах. Саднило горло. Было больно дышать. Не дышать тоже было больно. В ушах выли миллионы бешеных котов. Он бежал, натываясь на стены, на деревья, на людей. Падал, снова вскакивал и бежал, подгоняемый проснувшимися дремучими первобытными инстинктами. Иногда у него в голове проскакивали какие-то картинки, похожие на слайды или на фотографии. Забор, ещё забор, старая ржавая металлическая сетка. Пустырь с чахлым кустарником, листья вперемешку с мусором, какое-то тряпье. Инстинктивно, так и не понимая, что он делает, он зарылся с головой в кучу опавших листьев, которые в следующее мгновение стали ворохом забытых слов. Его органы чувств полностью потеряли ориентацию, и запахи воспринимались глазами, а звуки на ощупь, как вонзающиеся в тело колючки. Потеря сознания спасла его от сумасшествия или смерти.

Неизвестно, сколько он находился между жизнью и смертью. Для санитарного инспектора состояние обморока просто выпало из осознания. Боль оставалась болью, только в ней теперь были чьи-то голоса. Санитарный инспектор все ещё не был в состоянии их разобрать.

Спустя вечность или мгновение, чувство времени у него отсутствовало напрочь, санитарный инспектор почувствовал губами край чашки и сделал осторожный глоток. Это было то, что надо. Приятно горячая терпкая жидкость. Он жадно выпил весь напиток. По телу прошла тёплая волна. В голове немного прояснилось. Вакханалия сменилась низким монотонным гулом, который уже можно было терпеть. Один глаз приоткрылся, и он смог разглядеть сквозь

мутную пелену низкий потолок, тусклую лампочку и грязные серые стены. Скорее всего, подвал. Он лежал на куче прелых тряпок, но мучила его не вонь тряпья, а резкий неприятный запах, который шёл из глубины памяти, и был частью какого-то мрачного неприятного воспоминания, свернувшегося калачиком на краю подсознания, и теперь почему-то терзавшего его своей вонью. Нос же, как, впрочем, и всё остальное практически не работал.

Санитарный инспектор попытался приподняться, но сильная боль снова заставила его откинуться на своё ложе.

– Да ты лежи, не рыпайся. Радуйся, что жив остался, – услышал он (ещё было непонятно мужской или женский) голос. Голос продолжал что-то говорить, но каждое последующее слово становилось все тише и неразборчивей, словно говорящий удалялся от санитарного инспектора.

Он понял, что спал только когда проснулся. Самочувствие было намного лучше. Глаза открылись, шум в голове исчез. Тело почти не болело, но было ватным и не хотело ещё слушаться. Он мог думать в первый раз с тех пор... Он попытался сесть. Получилось, правда, с большими усилиями, но получилось.

То, что он принял за комнату, оказалось заброшенным давным-давно туннелем. На стенах ещё оставались кое-где следы коммуникаций. Горели редкие тусклые лампочки, но об этом уже, скорее всего, позаботились его обитатели.

Тут же на полу в нескольких шагах от него сидели люди. Они что-то ели, оживлённо беседуя.

– А, проснулся... Иди к нам, – сказал один из обитателей туннеля.

Санитарному инспектору дали тарелку с бесцветной однородной массой. На вкус это месиво оказалось даже вкусным, тем более что оживающее тело требовало своего. Ели молча. Затем собрали тарелки и разлили по чашкам уже знакомый санитарному инспектору напиток. За выпивкой начались разговоры.

– Ты кто? – спросил его горбун, сидящий напротив. Всю трапезу он бесцеремонно пялился на санитарного инспектора.

– Денис Паркин, – ответил санитарный инспектор. Он решил не афишировать свою принадлежность к ГСИ.

Обитателей тоннеля звали Шланг, Кэмэл, Петрович и Носатый. Больше всего они походили на семью приведенных за городом. Всклопоченные, небритые, в мешковатых однообразно-бесцветных тряпках с болезненными лицами, они словно сбежали из ночных кошмаров.

Шланг был самым молодым. Своё прозвище он получил за феноменальную способность уклоняться от любой работы. Больше всего на свете он терпеть не мог работать, а в остальном был неплохим парнем. Иногда бывал и полезен. Никто так как он не мог найти способ сделать что-либо с минимумом усилий, поэтому ему позволялось заниматься любимым делом – смотреть на работающих друзей. Он как бы между делом мог подкинуть идейку или дать ценный совет, так что его леность окупалась сполна. Невидимкой он стал после аварии, в которую попал по чужой глупости, и погиб бы, не оказавшись рядом Петровича.

Кэмэл получил своё прозвище из-за горба и постоянной привычки плевать. Он был призраком от рождения. Его мать – нищенка и алкоголичка жила в подвале заброшенного дома, где и родила своего ненаглядного. Родился он нормальным, а горб получил ещё в раннем детстве, когда мать его уронила спяну на пол. Все тогда думали, что помрет, а он выжил, но остался калекой на всю жизнь. Всё своё детство он провёл в том же подвале, так ни разу не выйдя на свет божий. Он бы и дальше там сидел, если бы нищенка в один прекрасный момент не пропала без вести. Ушла на промысел и не вернулась. Наверно околела где-то под забором. Какое-то время в нем боролись страх и голод, но голод оказался сильнее. Пришлось выбираться на улицу. Днём он прятался, а по ночам совершал набеги на помойки окраин, и попал бы под пулю, если бы опять-таки не Петрович, который, добрая душа, приютил и его.

О Петровиче было известно только то, что он – Петрович, что он – долгожитель. Он всегда жил в этом туннеле, и что его имя было русским. Всё остальное он предпочитал держать при себе.

Носатый был хакер-сектант. Он исповедовал электронную версию дзен-буддизма, ставшую очень популярной в последние годы. Он, как и многие другие, гонялся за электронным аналогом нирваны, или кодом всеобщего слияния, пока совершенно случайно не нарвался на доэлектронную реальность. Он подошёл к границе, за которой должно было быть нечто. Будучи не дураком, он понял, что Мир – это не совсем то, к чему мы привыкли, и бросил все свои сбережения на поиски Врат. Ему повезло, и он оказался среди невидимок. Он вошёл в реальность во всеоружии, зная, что делает, и, зная, что будет делать дальше. Для призраков (тогда они ещё были призраками) он стал человеком номер один, превратив их слабости в силу.

Сейчас уже никто не сможет сказать, с чего и когда началась всеобщая биоцеребрончипизация населения планеты. Возможно, изначально человечеством двигало всё то же болезненное стремление к самоутверждению, заставляющее поворачивать реки вспять, осушать болота и заболачивать сушь; стремление, результатом которого стало неустойчивое равновесие на краю планетарной техногенной катастрофы, называемое прогрессом.

Бесспорно, когда-то давно церебрончип – устройство, вживляемое в нервную систему при помощи довольно простой операции, – стало панацеей практически от любых сенсорных дефектов, будь то нарушение зрения, слуха обоняния и т. д. Позже их начали вживлять себе те, кто не видел своей жизни без виртуальных путешествий.

Со временем церебрончипы стали частью системы тотального контроля. Они позволяли контролировать процесс сотворения реальности, начиная от сбора сенсорной информации, заканчивая превращением её в ту картину мира, которую большинство из нас считает реальностью, как таковой.

С одной стороны, это упростило многие технологические процессы: теперь уже не надо было ломать голову над созданием красивых, удобных вещей, так как любой старый мешок мог выглядеть платьем от кутюр при наличии необходимого программного обеспечения.

С другой стороны, наличие церебрончипа позволяло всегда и везде контролировать любого его носителя, что стало настоящим подарком для спецслужб. Поэтому, когда церебрончипы стали достаточно простыми и надёжными – две капли прозрачной, без запаха и вкуса жидкости в каждую ноздрю, и чип у тебя в голове, – церебрончипизация стала обязательной и всеобщей. Обычно эту процедуру проводили под видом прививки в первые дни жизни младенца, даже не сообщая родителям.

Так, решив полностью завоевать виртуальный мир, люди застряли, подобно Винни-Пуху в кроличьей норе, на границе двух миров, повторив, тем самым, путь развития земноводных, которые точно также «застряли» на границе между водой и сушей.

Правда, было и одно «но». Человеческая психика была не готова к восприятию подобного рода действительности, поэтому решено было пожертвовать истиной ради всеобщего спокойствия. Людей заставили забыть о церебрончипах. Никто, начиная с президентов и заканчивая бомжами, не должен был догадываться об их существовании.

Церебрончип превратился в наиболее жизненно важный орган человека. Если по каким-либо причинам он разрушался, человек переставал быть чем-то определённым. Он превращался как для себя, так и для окружающих в неопознанный, несуществующий предмет. Это вызывало настолько сильный шок, что почти всегда человек погибал практически мгновенно, а труп уже идентифицировался, как труп. Иногда обезумевшие в результате отказа церебрончипа люди принимались за привидения, нечистую силу или пришельцев из космоса. За этими несчастными охотились специальные бригады «инквизиторов» – секретного подразделения,

сотрудники которого совершенно не представляли себе, с чем имеют дело. Для этого их обучали не задаваться вопросами.

Носатый стал настоящим мессией для тех, кто сумел, оставшись без цереброчипа, выжить и не сойти с ума. Прежде чем навсегда покинуть принудительный виртуальный рай, он создал «Шапку-Невидимку» – устройство, позволяющее быть невидимым для любых электронных глаз. Затем он научился считывать информацию с цереброчипов покойников и загружать её в имитирующее цереброчип внешнее устройство. Только научившись становиться кем угодно по собственному усмотрению, он окончательно отключил собственный цереброчип.

Вот тогда-то перед ним, а позже и перед другими невидимками открылись все двери. Система оказалась беззащитной. Они могли проникать, куда и когда им было угодно, исчезать и превращаться в других людей... А чтобы избежать серой унылости лишённой виртуального обмана действительности, существовали специальные очки, позволяющие воспринимать мир глазами обычного цереброчипизированного человека.

Санитарному инспектору пришлось заново учиться жить. Он учился ходить, учился ориентироваться в пространстве, учился всему. Он был как новорождённое дитя. Да он и был новорождённым, рождённым заново в мире реальности. Он учился жить, опираясь только на свои органы чувств, которые всё это время были подавлены электронным дубликатом. Всё было другим. Его тело было другим, Другим было сознание, другим был мир. Мир стал Бесцветно-серым, унылым, мрачным. Весь блеск и благополучие оказались ничем, мишурой, электронным обманом. Среди серых домов и серых обшарпанных автомобилей толкались серые, чахлые люди с нездоровыми лицами в грубой бесцветной одежде. Воздух был пропитан нездоровыми испарениями, но никто не замечал этого. Все они жили в яркой беззаботной лжи, такой же, какую до биочипизации для них создавали религия, реклама, вера в светлое будущее, патриотизм...

Санитарному инспектору понадобилось всего несколько недель, чтобы привыкнуть к новой жизни. Выбрав себе штук пять цереброчипов, он поселился в дорогой гостинице (на которую без спецочков страшно было даже смотреть). С деньгами у него и раньше никогда не было проблем, а теперь, когда он мог брать любые суммы где угодно, санитарный инспектор мог себе позволить всё, и даже больше, чем всё.

Адаптировавшись в новой реальности, он решил действовать. Санитарный инспектор всегда остается санитарным инспектором, а приказ всегда подлежит исполнению. Эти правила (для Дениса Паркина они были аксиомами) навсегда были введены в его сознание. Он был обучен повиноваться, находить оптимальные решения и действовать, но никак не сомневаться в правоте тех, кто ставил перед ним ту или иную задачу.

Единственной ниточкой, связывающей его с делом «фантомов» был инспектор Лемм.

– Привет, это я. Надо поговорить. Давай завтра в полдень, там, где мы пили пиво. На всякий случай (Лемм мог не узнать его в новом облики даже по телефону) Паркин воспользовался электронной почтой.

– Хорошо, – практически мгновенно ответил Лемм.

На следующий день около восьми утра санитарный инспектор был уже возле кафе. На всякий случай он решил понаблюдать за местом будущей встречи.

Кафе находилось на тихой, закрытой для транспорта улице. Выбрав скамейку напротив кафе, санитарный инспектор устроился там с бутылкой кока-колы и книгой – для встречи с Леммом он выбрал «костюм» интеллигентного вида парня лет 25. Часов в одиннадцать в кафе вошёл, а вскоре и вышел оттуда человек, показавшийся санитарному инспектору подозрительным. За десять минут до полудня появился Лемм. У него был вид уставшего человека, но санитарному инспектору показалось, что он, скорее, подавлен или напуган. Паркин поднялся со своего места. План был прост: он представляется Лемму собственным другом, а потом, по мере обстоятельств...

Когда Лемм вошёл в кафе, прогремел взрыв.

Быстро, но не настолько, чтобы привлечь к себе внимание, санитарный инспектор пошел прочь от искорёженного кафе. В туалете бара на соседней улице он сменил серебрячип, превративший его в старую, толстую негритянку с безумным взглядом. И только после пары порций водки он понял, почему посетивший кафе перед самым взрывом человек показался ему подозрительным: санитарный инспектор видел его досье. В ГСИ он значился, как Убийца Боб. Боб был вольным художником, и Инспекция временами прибегала к его услугам. К сожалению, санитарный инспектор слишком поздно узнал Боба, но теперь, по крайней мере, он знал, с кем можно поговорить по душам. Но сначала нужно было заручиться поддержкой Носатого, а для этого следовало купить телефон.

Ближайший офис мобильной связи находился в квартале от бара. Туда и отправился Паркин, ставший на время Мэри Твист. Покупка телефона вместе с подключением заняла чуть больше 30 минут. Побродив ещё с час по городу, санитарный инспектор набрал номер Носатого.

– Мне нужно срочно тебя увидеть, – сказал он.

– Через час в Кросс-Парке под памятником, – согласился Носатый.

В Кросс-Парке был только один памятник, заслуживающий внимания, правда, санитарный инспектор не знал, кому и по какому случаю тот был воздвигнут. Когда Паркин пришёл на место, Носатый был уже там. Он был в «костюме» тинейджера.

– Привет, – сказал он, – неважно выглядишь.

– Пару часов назад убили моего друга.

– Ты не о взрыве в кафе?

Санитарный инспектор кивнул.

– Что собираешься делать?

– Хочу навестить того, кто, скорее всего, это сделал. Для этого мне и нужна помощь.

– Все зависит от того, какую роль ты мне хочешь отвести. Я не любитель боевиков.

– Только техническая поддержка.

– Хорошо.

По пятницам убийца Боб встречался с девочками мадам Ли. Они делали всё, что ему было нужно, а нужна ему была боль, терпимая боль с лёгким унижением. С женой у него давно уже были чисто номинальные отношения, так что появление следов на теле его не смущало. За тысячу пиастров – астрономическая сумма для работников сексуального труда, девочки творили настоящие чудеса. После их ухода оставалось такое чувство, будто бы тебя вмазали чем-то очень крепким и в то же время возвышенным, как кислота, полученная из рук самого Тимоти Лири.

Расставшись с девочками, Боб проваливался в глубокий кайф, длящийся обычно не менее двух часов.

Но на этот раз его планам не суждено было сбыться. Едва за девочками закрылась дверь, как в комнате (дело было в гостиничном номере) словно из-под земли возникли мальчик лет 12 в костюме бойскаута и пожилая дама в старомодном костюме и огромных очках. В руках у дамы был пистолет.

– Привет, Боб! Тебе же говорили, что нельзя придерживаться определённого распорядка дня, а ты... – укоризненно сказала дама.

– Какого чёрта вам здесь надо? – выдавил из себя Боб, сознание которого с большим трудом справлялось с ситуацией.

– Взрыв в кафе – твоих рук дело?

– Я не знаю ни о каком кафе!

– Да ладно тебе, Боб, – продолжила дама, садясь к нему на кровать, – я тебя узнал. Ты там был минут за тридцать до взрыва. Я знаю твой почерк, так что... Этот полицейский, которого ты убил, шёл на встречу со мной.

– Что?!

Боб выпучил глаза и несколько раз, как рыба на берегу, открыл и закрыл рот.

– Ты не ошибся, Боб, я тот, с кем должен был встретиться полицейский. Так что давай обойдемся без жеманства.

– Вот, блядь! – выругался Боб, немного придя в себя.

– Скажи, Боб, почему ты грохнул его одного? Тебе ведь надо было подождать каких-нибудь пару минут.

– Я должен был сорвать вашу встречу, – Боб громко шмыгнул носом, – но на твоё убийство у меня санкции не было.

– Ладно, Боб, ещё один вопрос, и можешь быть свободен: кто отдал приказ?

– Нильс Мякель, – выложил Боб, понимая, что лучше не юлить.

– Ладно, Боб, думаю, свою четвёрку ты заработал. Держи приз, – дама положила на стол небольшую белую таблетку.

Лицо боба сначала сделалось белым, а затем покрылось красными пятнами.

– Не бойся, дружище, это не яд, – успокоила его дама, – санкции на твоё устранение у меня тоже нет. Ты просто забудешь нашу встречу.

Трясущимися руками Боб положил капсулу себе в рот.

– Хороший мальчик... а теперь глотай.

– Нильс Мякель – это человек, решающий проблемы для корпорации Шеппард, – пояснил санитарный инспектор Носатому, когда они вышли на улицу, оставив Боба предаваться своим сексуальным фантазиям.

Корпорация Шеппард была настоящим монстром, запустившим свои щупальца практически во все сферы человеческой жизнедеятельности. Единственным фактическим владельцем корпорации был Барри Шеппард, которого друзья и завистники называли не иначе, как Президент Шеппард, Император Шеппард или Господь Шеппард. И этот самый Шеппард почему-то очень не хотел, чтобы кто-то совал нос в дело «фантомов». И не хотел он этого с активной помощью ГСИ...

– Как ты относишься к охоте? – спросил вдруг санитарный инспектор.

– Все зависит от того, кто будет дичью, – ответил Носатый.

– Барри Шеппард. Знаешь такого?

– Ты хочешь его убить?

– Я хочу понять, почему он так не любит дело «фантомов», что готов из-за него разнести чуть ли не весь город.

– Думаю, я смогу тебе в этом помочь.

– Думаешь, ты сможешь что-то нарыть после того, как парни Шеппарда замели все следы?

– Знаешь, многие погорели на том, что рассуждали, как ты. На самом деле не так просто полностью уничтожить информацию, которая хоть раз побывала у тебя в компьютере, не говоря уже о той, которая хранилась, пусть даже короткое время, в обширной сети корпорации Шеппарда.

– Сколько тебе понадобится времени?

– Трудно сказать. Это только в кино хакеры за несколько минут взламывают любую систему, даже если у них выключены все машины. На деле этот процесс может длиться неделями, а иногда даже и больше.

Носатому понадобилось чуть больше трёх недель, чтобы отыскать и восстановить из пепла нужные файлы. Все это время он фактически жил в главном офисе корпорации – огромном здании, расположенном в деловом центре Манхэттена.

Как и предполагал санитарный инспектор, в Датском королевстве было далеко не всё гладко. Несколько приближённых Шеппарда пару лет назад один за другим решили вдруг покончить с собой, причём совершенно без причин, и весьма экстраординарными способами.

Первой ласточкой был Клаус Миллер. Аналитик. Советник Шеппарда по каким-то там вопросам. Жена. Дочка. Гольф. Не был, не привлекался. Не состоял. Чист, как хрусталь. Выходец из небогатой семьи. Сделал блестящую карьеру, и быть бы ему правой рукой Шеппарда, если бы в один прекрасный момент он не изрезал себе живот огромным кухонным ножом, которым умудрился нанести себе с десяток ран.

Следующим стал Генрих Шлимман. Маститый преуспевающий адвокат. Тоже кстати из небогатой семьи и тоже добился всего сам. Совпадение? Покончил с собой прямо во время очередного заседания суда – воткнул себе в ухо остро отточенный карандаш.

Третьим был Винсен Ван Торн. Полковник Ван Торн. Гордость вооруженных сил. Отличник всего, чего можно. Элитное подразделение, боевые операции, награды. САМ удостоил его... Ну да это не интересно. Сжёг себя заживо в собственном доме. Для Шеппарда он выполнял кое-какую работу в центральной Америке, Африке и Юго-Восточной Азии.

Завершил череду самоубийств Макс Гровер. Бывший Компаньон Шеппарда. Этот истратил половину своего состояния на охранные системы. У него хватило бы арсенала для войны с половиной стран третьего мира. Но это не помешало ему выпить пару рюмок концентрированной кислоты.

Шеппарду, скорее всего, объяснили, что он может стать следующим номером в списке самоубийц. Инспекция любит подобные приёмы. Стоит тебе, пусть ты даже трижды Шеппард, перейти ей дорогу, и ты либо труп, либо, если тебя посчитают полезным, внештатный сотрудник, работающий ради сохранения своей жизни и жизни близких друзей.

Именно Главная Санитарная Инспекция в своей многоликости гидры связывала воедино дело «фантомов», дело «падающих звезд», внештатку на Ленске – 8, чудесное появление Курта Морриса, убийство Лемма и старину Шеппарда. Бесспорно, за всеми этими событиями стоял некто достаточно могущественный, чтобы задумать и осуществить столь грандиозный проект. И на этого незнакомца спустили его, санитарного инспектора Дениса Паркина, с заданием **ЛИКВИДИРОВАТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ И ЛЮБЫМ СПОСОБОМ**. Кому и для чего понадобилось устраивать чистку на собственной территории, санитарного инспектора не касалось. Он должен выполнить приказ, чего бы ему это ни стоило. И эта установка сомнению не подлежала. Поэтому единственным вопросом был вопрос КАК, и на него у санитарного инспектора ответа пока не было.

– Остается надеяться, что Шеппард – достаточно больной мозоль, чтобы заставить их зашевелиться, – сказал санитарный инспектор, после долгого раздумья.

– Может, прокомментируешь для особо тупых? – спросил Носатый.

– Шеппард слишком заметен, чтобы действительно быть одним из тех, кто заказал эту мелодию. Он никто или хвост ящерицы. Стоит нам потянуть за него, и ящерица ускользнёт, оставив в качестве трофея свой бесполезный хвост. Я же хочу взглянуть на её голову.

– Что ты предлагаешь?

– Для начала, я думаю, стоит заставить Шеппарда запаниковать. Ты займись его домом, а я загляну к нему на пару слов.

Был хмурый, ненастный день. С неба летела какая-то мелкая хрень, один из тех жутких коктейлей из дождя и снега, какими нас нередко угощает природа. Дождавшись какого-то спешащего бедолагу, санитарный инспектор, он был в своей невидимой ипостаси, прошмыгнул вместе с ним в здание корпорации. Сработал металлодетектор, – инспектор нёс с собой целый арсенал, – и опоздавшим клерком занялись охранники.

Теперь надо было дожидаться пустого лифта. Несколько квадратных метров были слишком маленькой территорией, чтобы позволить себе подниматься с попутчиком. Ждать пришлось бесконечно долго – в центральном офисе шло слишком много народа. Наконец, один из лифтов оказался невостребованным, и санитарный инспектор вошёл внутрь. Дождавшись, когда закроются двери, он нажал на кнопку верхнего этажа. Офис Шеппарда находился под самой крышей, половину которой занимал его личный сад, где он собственноручно рыхлил землю и пропалывал сорняки. Правда, ему в этом помогали две дюжины садовников.

Добравшись до верхнего этажа, санитарный инспектор зашёл в туалет, где активировал цереброчип человека средних лет в хорошем костюме и дорогих туфлях. Тщательно рассмотрев себя в зеркале, он вышел из туалета, прошёл по коридору и вошёл в приемную Шеппарда, где словно пчелы роились секретари. Один из них, угрюмого вида крепыш с мордой уголовника-рецидивиста или аристократа в первом поколении, заступил санитарному инспектору дорогу.

– Простите, сэр, но... – только и успел он сказать. Профессиональным ударом в челюсть санитарный инспектор отправил его в нокаут, затем быстро открыл дверь и вошёл в кабинет Шеппарда, выхватывая короткоствольный автомат и оборонительную гранату.

У Шеппарда шло совещание.

– Пошли вон, – приказал санитарный инспектор всем, кроме хозяина кабинета.

С вооруженным человеком никто не стал спорить. Дважды просить тоже никого не пришлось. Граната сделала сговорчивыми даже охранников.

– Что вам угодно? – спросил Шеппард, стараясь сохранять спокойствие. Надо сказать, он прекрасно держал себя в руках.

– Ты следующий, – сказал санитарный инспектор. Затем он расстрелял из автомата оконное стекло и выбросил чип вместе с автоматом и гранатой. Для всех это выглядело, как нелепое самоубийство с элементом запугивания и мистицизма: тело на земле так и не нашли.

Тем же вечером на кортеж Шеппарда было совершено неслыханное нападение буквально перед самым домом. Первая машина сопровождения взлетела на воздух. Ударили пулеметы. Вторая машина охраны превратилась в факел.

Лимузин Шеппарда рванул что есть мочи, протаранив горящую машину сопровождения, и снеся какой-то хлам. Они практически выбрались из зоны боевых действий, когда сильно грохнуло под колёсами, и тяжелую бронированную машину перевернуло вверх ногами. Выскочив из лимузина, Шеппард помчался прочь со скоростью, которой мог бы позавидовать олимпийский бегун. Оказавшись дома и заперев входную дверь, он кинулся к ящику стола и достал примитивный на вид мобильный телефон.

– Алло! Это я! – закричал он в трубку.

– Чего орёшь? – услышал он спокойный, слегка меланхоличный голос.

– Меня только что пытались убить!

– Ёб твою мать! И ты после этого звонишь! Идиот! Я же тебе говорил...

Шеппард бросил аппарат на пол и принялся его топтать.

– Вот блядь! – выругался санитарный инспектор, наблюдая за Шеппардом по монитору компьютера.

– Не волнуйся, я его засёк. Это в чёрном квартале, – сообщил Носатый.

Следующие две минуты были похожи на репетицию боя сразу с несколькими противниками. Судя по движениям Шеппарда, он неумело отбивался сразу от троих. В конце боя, издав полный страха и отчаяния крик, он запустил стулом в большое зеркало, схватил осколок и с силой вонзил его себе в горло.

Вот так когда-нибудь они поступят и с тобой, – пронеслось в голове санитарного инспектора, но он сразу же отогнал эту мысль.

В гетто Паркин решил идти один. Там обосновался настоящий, серьёзный противник, для которого убить человека вроде Носатого не представляло никакого труда.

– В этом деле и без тебя достаточно трупов, – сказал санитарный инспектор другу, когда тот вызвался помочь, – согласишься, ты не убийца.

Они крепко обнялись.

Несмотря на всеобщую убогость, гетто выглядело куда ужасней, чем процветающие районы. Похожие на тюрьмы дома, мусор, вонь, измождённые, уродливые люди, похожие на мутировавших в канализации крыс.

Нужный дом сразу бросился в свободные от электронного обмана глаза инспектора. Это была настоящая крепость, с натуральными решётками на окнах, массивной железной дверью и толстыми бетонными стенами. О том, чтобы брать эту цитадель штурмом, не могло быть и речи. Осторожно, несмотря на свою невидимость, санитарный инспектор приблизился к дому.

– Привет, – услышал он сзади показавшийся знакомым голос.

В следующее мгновение в лицо повернувшегося на голос санитарного инспектора ударила струя мгновенно парализующего газа.

Очнулся он уже внутри дома-крепости, сидя на специальном, «фирменном» стуле ГСИ. Его голова, руки и ноги были крепко зафиксированы.

– Не бойся, я не стану тебя пытаться или убивать, – услышал он всё тот же голос. Говорящий находился вне поля зрения Паркина, – я просто оставлю тебя здесь до прихода твоих коллег. Игра только начинается. Так что до встречи. Хотя нет, я расскажу тебе одну историю:

Однажды охотник или путешественник нашёл в саванне раненого слона. Рискуя собой, – слон, это всегда слон, даже если он раненый, – охотник обработал ему раны, принёс воды, влил в рот слона немного виски, чтобы у того хватило сил добраться до более подходящего места... Короче, спас жизнь слону. А лет через десять этот человек случайно оказался в цирке, где на арене выступали дрессированные слоны. И вот один из слонов перестал вдруг слушаться дрессировщика. Он бросился в публику, схватил этого мужика хоботом и с силой ударил его об землю. Мужик умер в больнице, так и не придя в сознание. Так вот, это был не тот слон.

Глава 23

Каковы были бы ваши ощущения, если бы ваша кошка или собака начали разговаривать с вами человеческим языком? Вас бы поразил ужас, я уверен в этом. А если бы розы в вашем саду запели чудесную песню, вы бы сошли с ума. Или предположите, что камни в мостовой начали раздуваться и расти на ваших глазах, или если галка, которую вы видели ночью, утром дала бы каменистое цветение? Эти примеры могут дать вам некоторое представление о том, что такое настоящий грех.

Артур Мэйчен. «Белый народ».

Пятнадцать. Камень прыгнул пятнадцать раз, прежде чем уйти на дно. Как ни старался санитарный инспектор, переиграть Благородного Дона ему, да и не только ему, ещё не удавалось. Благородный Дон был абсолютным чемпионом ГСИ. Лучше него никто не мог заставить камень прыгать по водной глади.

– Точно так же он поступает и с нами, – подумал санитарный инспектор, глядя на пляску очередного голыша.

С тех пор, как поисковая группа обнаружила санитарного инспектора в состоянии глубокого психоза без денег и документов в одной из Лос-анжелесских ночлежек, прошло шесть с небольшим месяцев. Обычно подобный исход расценивался, как провал, и незадачливый агент навсегда покидал мир живых. Вместо этого Дениса Паркина поместили в элитный госпиталь на берегу Карибского моря. Хороший уход, прекрасное лечение, тёплое море и красивые женщины делали своё дело. Появление Благородного Дона означало, что врачи дали добро на его выписку.

– Ты хорошо подумал? – спросил Благородный Дон, выслушав отчёт санитарного инспектора, – обвинение руководства ГСИ – дело серьёзное. Слишком серьёзное, чтобы...

Он не договорил.

А кто ещё мог сделать так, чтобы в Ленске – 8 произошла внештатная ситуация; чтобы в нужное время всплыл бесследно исчезнувший лаборант, который, ко всему прочему, оказался слишком хорошо осведомлённым о том, что происходит за стенами одной из самых секретных лабораторий; кто мог тайно получить в своё распоряжение одного из «падающих звёзд»?

Кто мог устроить все так, чтобы его поставили на это дело и направили в запрограммированном керогеном направлении? – подумал санитарный инспектор, но решил вслух этого не говорить.

– Это всего лишь домыслы. Для официального обвинения нужны доказательства, – произнёс после долгой паузы Благородный Дон.

– Прикажите, и я отыщу их.

– После того, как ты попытался вскрыть себе черепушку бутылочным стеклом, чтобы вытащить из мозгов какой-то там жучок...

– Я был под действием керогена.

– Ты был невменяемым.

– Несмотря на это, вы сохранили мне жизнь.

– Будучи в состоянии психоза, ты умудрился выжить в схватке с серьёзным противником, устранить двойного агента, обнаружить исчезновение «падающей звезды». Ты хорошо поработал, парень. И если бы это зависело только от меня, я бы уже сейчас подписал приказ о твоём возвращении на службу, но правила – это правила, и нарушать их я не могу. Ладно, не скучай.

Разговор был окончен. Теперь осталось ждать приговор.

Самый лучший способ скоротать время – это провести его во сне. Поэтому сразу же после ужина санитарный инспектор отправился спать.

Ему приснился огромный чёрный конь с сигарой во рту. Конь вёл целую армию летучих мышей. Санитарному инспектору и раньше уже снился этот конь. Раза два. И каждый раз после этого он был на волосок от смерти. Фактически в образе этого коня к нему приходила сама смерть. Он уже знал, что у каждого есть своя смерть. Так к одному его приятелю смерть приходила в образе властной рыжей красавицы в белых одеждах, и после того, как во сне она его увела, приятель погиб. Дней через пять. Смертью санитарного инспектора был чёрный конь, а армия летучих мышей была ожидающими его неприятностями. Конь громко заржал, и санитарный инспектор проснулся.

Кто-то его будил, теребя за плечо. Видя, что он просыпается, незнакомец в знак необходимости соблюдать тишину закрыл ему ладонью рот. Это был Белый Кролик – человек с татуировками на лице. В темноте его татуировки и губы светились фосфоресцирующим светом. Прежде чем убрать руку с лица санитарного инспектора, он приложил палец к своим губам – международный знак молчания.

– Помоги мне, – беззвучно произнёс он своими светящимися в темноте губами.

Санитарный инспектор кивнул. Белый Кролик привёл его к входной двери, где лежал какой-то бедолага, ростом и комплекцией похожий на санитарного инспектора. Он был жив, но без сознания.

Вдвоем они перенесли тело в комнату и положили на кровать.

– Уходим, – также беззвучно сказал Белый Кролик.

Стараясь не шуметь, санитарный инспектор надел джинсы, ботинки и рубашку поверх футболки. Затем он забрал деньги – чуть больше двух сотен пиастров. Документы он решил не брать – по ним его могли вычислить через спутник.

Когда санитарный инспектор был готов, Белый Кролик выпрыгнул из коттеджа через окно. Денис Паркин последовал за ним.

Санитарный инспектор прекрасно ориентировался на территории госпиталя. Едва придя в себя, он обследовал здесь каждый закоулок. Эта привычка не раз спасала ему жизнь. Вот и сейчас, когда надо было незаметно выбраться за пределы охраняемой территории, он знал, что надо делать.

Территория санатория была окружена высоким забором, поверх которого была протянута колючая проволока под высоким напряжением. Любое повреждение этого ограждения включало сигнализацию. Но сбежать из санатория было можно – для этого надо было перепрыгнуть через забор. Теоретически это можно было сделать, если прыгнуть, хорошо разбежавшись, с крыши трёхэтажной прачечной, стоявшей рядом с забором. Даже для прекрасно обученного санитарного инспектора это было рискованно. Но выбора не было. Не зная ещё причины, санитарный инспектор чувствовал, что надо убираться, как можно быстрее.

Едва они забрались на крышу, прогремел взрыв. Коттедж санитарного инспектора вспыхнул, как факел. Началась паника. Медлить было нельзя. Разбежавшись, они одновременно спрыгнули с крыши.

Приземление болью отозвалось во всем теле. БОЛЬ – ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ИНФОРМАЦИЯ, – вспомнил Паркин, поднимаясь на ноги.

– Сюда, – прошептал Белый Кролик и бросился бежать. Он прекрасно ориентировался на местности, так что санитарному инспектору оставалось просто следовать за ним.

Белый Кролик оказался прекрасным бегуном. Когда впереди показалась железная дорога, у санитарного инспектора перед глазами плясали красные пятна.

– Пять минут, – сказал Кролик и повалился на землю.

Ровно через пять минут появился товарный поезд, идущий по направлению к Мелиополису. На открытых платформах перевозили сельскохозяйственную технику.

– Вперёд, – распорядился Кролик.

Они вскочили на ноги, и рванули к поезду, который шёл на довольно-таки приличной скорости. Оказавшись на платформе, они забрались в кабину трактора. Лучшего нельзя было и вообразить. Устроившись на сиденье, санитарный инспектор позволил себе расслабиться и обдумать сложившуюся ситуацию.

– Сегодня смерть на твоей стороне, – сказал, улыбнувшись, Белый Кролик.

– Подожди, меня что, опять накачали керогеном? – спросил санитарный инспектор.

– Не путай меня с Мескалино.

– Но как ты меня нашёл?

– Ты в стране Чудес, парень. Кероген отворил дверь, и ты в неё вошёл. Сюда нелегко попасть, но назад убраться практически невозможно. Се ля ви.

– Хочешь сказать, что мой психоз... что всё это правда?

– Правда – всего лишь частный случай лжи. Или ты забыл уроки?

– Нет, уроки я не забыл...

Всеобщая цереброчипизация, санитарный инспектор это хорошо понимал, была бредом или дерьмом собачьим, основанным на той идеологии, которой бомбардируется сознание граждан на протяжении нескольких десятилетий. Восстание роботов, превращение людей в машины... Все это хорошо для кино. Но это слишком громоздко и примитивно для того, чтобы в один далеко не прекрасный момент стать нашей реальностью. Тем более что человеческий мозг и без этого электронного дерьма является прекрасно программируемым и метапрограммируемым биологическим компьютером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.